

ЗАЧЕМ ИМ ЧЕХОВ?

СЕГОДНЯ, 15 ИЮЛЯ, ИСПОЛНЯЕТСЯ РОВНО СТО ЛЕТ, КАК НЕ СТАЛО

Веч. Москва. — 2004. —
15 июля. — с. 37

АНТОНА ПАВЛОВИЧА ЧЕХОВА

Ирина была, как впаившая в кураж скрипка. Она излагала Германию без академических подробностей, но со страстью и вкусом. Гогенцоллерны и Габсбурги выходили из ее уст совершенно живые, играли красками, как мыльные пузыри на солнце, — пуговки выпуклые, ногти отполированные. В пору было потесниться, чтоб уступить им место. Микроавтобус шипел по крышкам по автобану и подрагивал.

— И где же пресловутое качество дорог? — расстраивался я. — Рассказывали, что кофе из полной чашки не расплескивается, такие они ровные.

До сих пор покою не давало первое разочарование, постигшее меня на улицах Франкфурта: «А окурки-то бросают на тротуар так же, как и у нас». Бывалые собраты-писатели, уже поездившие по свету, успокаивали: «Это иммигранты завезли, да и теперь не везде так. В Гамбурге, например, не бросают». Они и по поводу дорог успокаивали: «Это старый бан, новые и в самом деле отличные».

— Может быть, молодых писателей интересует что-нибудь конкретное? — поинтересовалась Ирина.

Сергей Николаевич, не дождавшись от молодежи реакции, сказал:

— На ваше усмотрение. Им все интересно.

Ирина рассказала о Гете, о Вагнере, о рыцарях-разбойниках, о первых в мире казино, о казино вообще и в этой связи, конечно, о Достоевском. В России Ирина была театроведом. Долго и с удовольствием работала, ездила по провинциальным театрам, где голодные люди блистательно ставили «Генриха IV» или «Кавказский меловой круг». А потом устала, уехала. Теперь возит русских туристов — сытых, слушающих ее рассказы вполуха — по немецким городам.

Ехать — три часа от Франкфурта почти до самой границы с Францией и Швейцарией. Южный Шварцвальд, Баденвейлер. Но самого черного леса мы, увы, не увидим, не доедем до него. Задумка организаторов была посылать именно молодых писателей, заявить, так сказать, преемственность традиции. Поехали четверо молодых, от двадцати до тридцати с лишком, и ректор Литинститута.

Преемственность тоже следует возглавить и организовать. Сергей Николаевич делал это с привычной ректорской иронией — мол, знаю, господа писатели, сейчас вам не до того, сейчас вы сами себе и Чехов, и Достоевский. Вопрос, который на протяжении долгого пути волнует Ирину и Есина: «И чего это Антона Павловича занесло в этот городишко?» Ездили-то совсем по другим курортам, моднее и роскошней. Может, посоветовал кто, знаете, как бывает — порекомендовал? Или там выходило подешевле?

Может быть, с деньгами у большого Чехова было и в самом деле не очень? «Надо было почитать перед отъездом, покопаться в книгах», — корил я себя. Ведь знал заранее об этой поездке. Можно было оказать такое внимание умершему гению, тем более живешь на земле, его родившей, — вот теперь представился шанс взглянуть на землю, в которую он бежал, чтобы умереть. Бежал почему-то под шипение шин по асфальту и улетающие вдоль окон замшевые стволы мерещилось: бежал, именно бежал. (Он безнадежно болен, он умирает, он знает, что умирает — он бежит. От смерти? От безысходности? Чтобы этим бегом, частой сменой мизансцен продлить жизнь, отдалить момент, когда непроницаемый занавес, напояющий изматывающе-неотвратимо, отсечет наконец свет, лица, вскнутые для аллодисментов ладони. Или было не так? Или он действительно надеялся на излечение?)

Тут жил и умер Чехов

Баденвейлер лежит на склоне горы и открывается вам при въезде, как драгоценная шкатулка. Неприметный поворот, и пошли петлять улочки-кра-

савицы, обрамленные густой листвой. Извилистые мостовые разбросаны, как ожерелья, переплетены, спутаны. Площади размером с перстни. Ажурные чугунные лавки. Бело-коричневые домики с геранью на выступающих подоконниках, совершенно как грудастые радушные немки, прихорашившиеся ради приезда гостей.

Конечно, опоздали. Водитель Юра, бывший русский из Харькова, проехал нужный поворот, пришлось добираться до развязки, разворачиваться и ехать назад.

— Ничего, сейчас притолим, — подбадривал он нас, и, пользуясь случаем, расспрашивал: «Ну как там Путин? Лучше?»

У бюста А. П. Чехова слева направо: Денис Гуцко, Денис Осокин, Роман Сенчин, Сергей Шаргунов. Все вместе — прошлое, настоящее и будущее нашей литературы

Сам он уехал еще при Ельцине. Скучал, но домой не рвался. Но хотел, явно хотел услышать, что — да, лучше, гораздо лучше.

Нас ждали бургомистр и директор «Чеховского салона». Бургомистр, Гер Карл-Юген Энглер, открыл стеклянную дверь ратуши своим ключом. Ни охранников, ни секретаршей. Впечатлило. Ни капли барства, немец как немец, работает себе бургомистром.

— Угощайтесь, — улыбались хозяева, прождавшие нас более двух часов. (Что для русского само собой, для немца слишком долго).

Большушие подносы с бутербродами и шампанское. В сторонке, как рояль в кустах, — водка.

Баденвейлер, как выяснилось из видеопрезентации, проведенной лично бургомистром, вовсе не был медвежьим углом. Развалины римских терм свидетельствовали об этом как нельзя лучше. Патриции отдыхать умели, и места для отдыха выбирали не наобум. Какие-то особенные здесь воздушные потоки, оказывается, нисходящие — эдакие сквозняки из тропосферы. Потом городок в качестве летней резиденции облюбовали баденские герцоги. А в XIX веке сюда ездили довольно много туристов и больных ревматическими заболеваниями.

Чехов умер от туберкулеза на курорте, где лечились от ревматизма?

Ирина и Сергей Николаевич устроили настоящий допрос, будто пытались призвать хозяев к ответу: почему? Почему приехал сюда? Почему не поехал на другой курорт? Летат ли местные воды туберкулез? Ведь теперь для такого лечения применяются воды совсем другого состава.

В какой-то момент директор «Чеховского салона» Гер Хайнц Зетцер, отлично говорящий по-русски, выглядел обвиняемым в зале суда. Он будто пытался оправдать Баденвейлер: городок не виноват, и термальные источники его не виноваты. Нет, они туберкулез не лечат. Но в то время в медицине бытовало мнение, что могут. У Чехова была тяжелая форма. Но здесь микроклимат, здесь воздух.

Антону Павловичу сделалось легче. Сам Чехов (у Хайнца получалось немного как Чегов) об этом говорил, остались свидетельства.

При совершенно неверном, бесполезном лечении Антон Павлович все-таки почувствовал себя легче. Болезнь позволила напоследок порадоваться жизни. Дала отсрочку, чтобы он смог насладиться пылающими на рассвете снежными вершинами, геранью, аккуратно вписанным в тротуар скальным выступом. Бывший отель «Зоммер» сразу за ратушей, метров десять вниз по мостовой. Небольшой особнячок с низенькой аркой. Здесь теперь реабилитационный центр. А в ратуше раньше был почтамт. Чехов

крытку: «Не могли бы вы рассказать о последних днях жизни великого русского писателя и драматурга А. П. Чехова?» Местные власти после этого начали собирать уникальные материалы и создали архив Чехова.

Зачем им это? Чтобы говорить: «первый в мире памятник», «первая в мире копия с портрета», чтобы прибавить значимости своему шкатулочному городку? После смерти Антона Павловича владеец «Зоммера» Гер Глезер повесил памятную табличку не в качестве ли рекламы? Эти злые мысли утомили меня, как утренние мухи. Ну и пусть. Из чего бы ни росла память, лишь бы приносила плоды. Как, например, стихи. В смысле: когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда. Вон ведь и американский новеллист Стивен Крейн — основатель, между прочим, натурализма в американской литературе — тоже прожил свои последние дни в Баденвейлере. Увы, даже у себя на родине он был предан забвению. Ну не пригласил мистер Крейн ни Америке, ни миру. А здесь, на другой стороне земного шарика, в крохотном, но памятливом Баденвейлере все сохранено, зафиксировано, фотографии датированы и подписаны — и никого не отдадут забвению. Из чего бы ни вырос культ Чехова за тридевять земель от Родины — этот культ по-настоящему трогает сердце. Это ли не достойные плоды: к столетию смерти Антона Павловича здесь запланирована огромная программа. Постановка пьесы, посвященной истории семей Чеховых и Книппер, постановка пьесы Чехова, концерт камерного оркестра из Таганрога, открытие литературоведческой выставки, встреча молодежи из Баденвейлера и Таганрога. (К слову сказать, все это за счет германской стороны.)

Вишневый сад

Кульминацией визита было возложение цветов к бюсту. Бюст этот, работы сахалинского скульптора Чеботарева, установлен на осиротевшем постаменте в 1992 г. Он стоит на новом месте, в городском парке, на горе, обрывающейся в сторону Рейнской равнины.

Антон Павлович смотрел пристально, будто вглядывался куда-то. Справа перед ним зелеными уступами падал склон. В пустынном осеннем небе плыл пестрый пузырь. Где-то недалеко та гора, с которой братья Монгольфьер поднимали в воздух свои первые воздухоплавательные конструкции. Внизу расстилалась посыпанная черепичными крышами долина, а в размытой солнцем дали, уже на территории Франции, дымилась какая-то совершенно советская заводская труба. И за всем этим, открывая небо от земли, тянулась белесая цепь горных вершин.

— В будущем году, — сказал Хайнц, — мы собираемся посадить вокруг бюста вишни. Надеемся со временем вырастить здесь вишневый сад.

Гуляя ли он по этому довольно крупным аллеям? Любова ли этим видом? Если он бежал — от смерти ли, от предсмертной ли тоски, — то прибежал он именно туда, куда было нужно. Город-шкатулка с видом на слегка урбанизированный Эдем. Думаю, в таком месте умирать легче, чем в тихой лечебнице или среди заплаканных родных, глядя в пыльное окно и слушая матерящихся у подъезда извозчиков.

На обратном пути нестати вспомнилась одна наша статистика. В Таганроге проводили опрос на предмет того, посещают ли таганрожцы Дом-музей Чехова. Прямодушнее и жестче остальных высказались, как обычно, дети: «Зачем нам Чехов? Мы и без него проживем». Проживут, конечно. А среди иммигрантов, после которых тротуары в Германии начали покрываться окурками, наших — каждый десятый. Кажется, эти две статистики как-то связаны.

ДЕНИС ГУЦКО